

Властная вертикаль vs олигархическая демократия

УДК 320.0+321.1

Людмила СЕМЁНОВА,
доктор исторических наук,
профессор

Людмила СЕМЁНОВА. Властная вертикаль vs олигархическая демократия. Олигархия как сообщество богатых людей, владеющих важнейшими ресурсами общества, оказывает большое влияние на государственную власть и играет значительную роль в управлении. Олигархия традиционных и феодальных обществ правила открыто. Власть капиталистической олигархии опосредована институтами демократии. Возвращение постсоветских республик в периферию мировой капиталистической системы привело к формированию олигархии. Особняком стоит белорусская социально-экономическая модель, не допускающая олигархизации власти.

Ключевые слова: государственная власть, управление, олигархия, власть-собственность, мировая капиталистическая система.

Lyudmila SEMYONOVA. Power vertical vs oligarchic democracy. Oligarchy, as a community of wealthy people who own the most important resources of society, has a great influence on state power and plays a significant role in governance. Oligarchy governed openly in traditional and feudal societies. Power of capitalist oligarchy is mediated by democratic institutions. Return of the post-Soviet republics to the periphery of the world capitalist system led to the formation of oligarchy. Belarusian social and economic model stands apart as it did not allow the oligarchization of state power.

Keywords: state power, governance, oligarchy, power-property, world capitalist system.

Какова оптимальная конфигурация органов государственного управления на всех уровнях государственной власти? При каких полномочиях и взаимоотношениях между ними вся государственная конструкция будет адекватна вызовам современного мира, эффективной и устойчивой? Что важно учитывать при реформировании системы государственного управления? Наша кризисная эпоха, к сожалению, не перестает множить примеры необычайной хрупкости государств. Если в годы Великой Отечественной войны СССР выдержал беспрецедентную военную агрессию фашистской Германии и подчиненной ей Европы, то на рубеже XX–XXI веков Советский Союз, Югославия, Ирак, Ливия и ряд других стран разрушались уже по совсем другим причинам, в том числе и от менее масштабной военной агрессии. Сегодня любая страна может зашататься под воздействием самых разнообразных социальных технологий, начиная от информационного влияния, организационных ударов, так называемых мирных протестов, и заканчивая агрессивными действиями структур международного терроризма. В 2020 году раскачку пережила Беларусь, в январе 2022 года тяжелейшему удару подвергся Казахстан – страны вполне

[ОБ АВТОРЕ]

СЕМЁНОВА Людмила Николаевна.

Родилась в г. Алматы (Казахстан). Окончила исторический факультет Казахского государственного университета имени Аль-Фараби (1986), аспирантуру Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (1990). Прошла научную стажировку в университете Кентукки в США (1997).

Преподавала в Алматинском энергетическом институте и Казахском государственном университете. В 2000–2006 годах – доцент Международного гуманитарно-экономического института. В 2006–2012 годах – доцент Института парламентаризма и предпри-

нимательства. С 2012 года работает в БНТУ, заведующая кафедрой «Социальное управление».

Доктор исторических наук (2012), профессор (2017).

Автор более 150 научных работ, в том числе учебных пособий и монографий.

Сфера научных интересов: управление во всемирно-историческом процессе, мировая система капитализма, социально-экономическая история нового и новейшего времени, история Великобритании и ее доминионов, тред-юнионизм, лейборизм, социальный реформизм, социальное партнерство, история Беларуси.

успешные с точки зрения общественного благополучия: социально-экономического развития и государственного устройства.

Устойчивость и эффективность государственной системе придает не столько совершенство ее отдельных элементов в лице органов государственного управления и узор связей между ними, сколько их опора на здоровое справедливое общество и благополучную экономику. Важна не государственная конструкция сама по себе, а состояние общества в целом. Именно объемлющая система определяет качество ее отдельных элементов. Государственный аппарат управления является в большей степени порождением и отражением общества, чем реальным субъектом его изменения.

Олигархический характер политической власти

В рамках западной культурно-просветительской парадигмы, приведшей к «великой дифференциации наук», множество гуманитарных наук не только разделили общество для удобства его анализа на экономику, социальную сферу, политическую систему, идеологию, но и отделили их друг от друга, закрыв заборами специализации, сделавшими недоступными и неинтересными предметные поля для представителей другой специальности. Экономисты чувствуют себя неловко в предметном поле политической науки, политологи предпочитают не проникать в дебри экономики и т. д. Между тем невозможно понять и объяснить общество, перестав рассматривать его единым и целостным организмом.

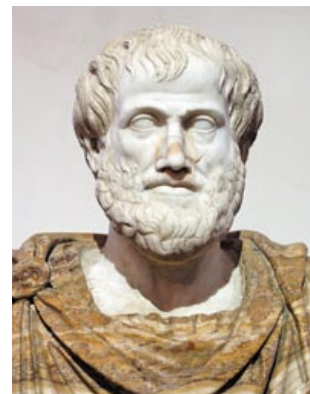
Важнейшим методологическим инструментом целостного видения общества является концепт управления: не менеджмента фирм, корпораций, учреждений, трудовых коллективов и др., а управления обществом в целом. Именно благодаря данной исследовательской оптике можно увидеть взаимосвязь между всеми сферами общества в его целостном состоянии. Популярные в современной политологии теории государственного управления, теории принятия политических решений, поиск лиц, принимающих решения, и т. д. – исследуют лишь отдельные аспекты управления, далеко не исчерпывая всей его полноты. Процесс управления необычайно объемный и многоплановый благодаря множеству субъектов, видов, типов, режимов, приоритетов. Одним из его существенных аспектов, позволяющих определить значимый стержень общества, нерв его жизнедеятельности, является взаимоотношение власти и олигархии. Поясним термины.

Под властью мы будем понимать государственную власть, исходящую из органов государственного управления: законодательных, исполнительных, судебных. А также власть более высокого уровня – идеологическую, концептуальную, отнюдь не совпадающую с государственной, и не сосредоточенную в государственных структурах. Олигархия в дословном переводе термина с греческого – это власть немногих (*oligos* – немногий и *arche* – власть). В этом смысле любое управление является олигархическим, так как при его осуществлении происходит отделение объекта управления от его субъекта, как правило, весьма немногочисленного в сравнении с объектом. Все общества, являющиеся по своей сути сложными системами, управляются небольшим числом людей. Это не что иное, как концентрация управления в руках немногих, в одном центре. На это обратил внимание итальянский социолог Р. Михельс, сформулировавший «железный закон олигархии». Действие закона он подробно рассмотрел на примере политических партий, показав, что независимо от идеологии и целей со временем во всех партиях появляется влиятельное меньшинство, закрепляющее за собой руководящую роль при пассивном одобрении масс. Р. Арон подвел итог макиавеллистской традиции изучения государства, подчеркнув, что «сама сущность политики такова, что решения принимаются для всего общества, но не им самим в целом. Решения и не могут приниматься сразу всеми» [1, с. 108].

Однако есть еще одна трактовка термина «олигархия», пришедшая из Древней Греции, как и сам термин. Платон, Аристотель и другие древнегреческие философы под этим термином понимали «власть богатых» и полагали, что она пагубна для общества. Изучая формы правления – тему, вполне соответствующую предметному полю современной политологии, – они видели ее на фоне всей общественной жизни, социально-экономических групп, их классовых интересов и идеологических предпочтений. Каждый их термин, обозначающий конкретную форму правления, не замыкается на количестве правящих, но вбирает в себя пласты экономической, социальной, идеологической, духовно-нравственной жизни слоев, приведших в политическую жизнь своих представителей. Поэтому так актуальна сегодня платоновская идея циклической смены форм правления, далеких от идеальной. Тимократия (власть

военных), которой недовольны богатые, сменяется олигархией (властью богатых), которой недоволен народ. На смену ей приходит демократия (власть народа), которая разбалансирует общество. Чтобы удержать общество от полного распада, на смену демократии приходит тирания. Тирана свергают военные, и циклы повторяются.

Изучив более 150 государственных образований (политий), Аристотель вывел три идеальные формы правления по числу правящих и по благим целям, которые ставят и достигают политики: монархия, аристократия и полития. Эти формы вырождаются в свои зеркальные противоположности: тирания, олигархия, демократия. Аристотель пишет: «В сущности тирания – та же монархическая власть, но имеющая в виду интересы одного правителя. Олигархия блюдет интересы зажиточных классов. Демократия – интересы неимущих классов. Общей же пользы ни одна из этих отклоняющихся форм государственного устройства в виду не имеет» [2, с. 234]. Таким образом, второе значение термина «олигархия» – это власть богатых, по словам Аристотеля, «тех, кто блюдет интересы зажиточных классов», это слияние власти и собственности. Вот этой трактовки мы и будем придерживаться в дальнейшем.

Бюст Аристотеля.
Римская копия греческого оригинала
(после 330 г. до н. э.)

Роль олигархии в управлении

В правящей верхушке всех менявшихся на протяжении истории общественных систем олигархия играла важную роль. Это была группа богатых людей, присваивающих важнейший ресурс общества: территории в традиционной общественной системе, землю – в феодальной, капитал – в капиталистической. Везде и всюду, имея в своих руках столь важные экономические рычаги, олигархия оказывалась в правящей верхушке общества, находила возможности управлять, воздействовать на государственную власть, входить в государственные органы, подчинять себе государство и его правителей. В традиционных, рабовладельческих, феодальных обществах это происходило напрямую, открыто. Любой правитель – князь, монарх, король, хан, султан – был первым среди своих олигархов. Именно олигархи занимали различные государственные должности, составляли большинство в коллективных органах. Прекрасной иллюстрацией тех обществ является распространенная в школьных учебниках картинка средневековой властно-социальной пирамиды, на вершине которой располагается правитель, под ним его свита из представителей высших классов-сословий в богатых одеяниях, а под ними широкое основание пирамиды составляет простой трудовой народ. Между правителем и олигархами властные веса склонялись то в одну, то в другую сторону. Сильный правитель подчинял себе олигархов. Это получило распространение в восточных цивилизациях, где сформировался феномен власти-собственности. Еще Г. Гегель делал акцент на силе власти в восточной деспотии. Именно власть рождает понятие и представление о собственности. Функции собственника опосредованы причастностью к власти. Феномен власти-собственности стал основой институционализации общества и государства в восточных цивилизациях. На Западе, в Европе, начиная с античности, в институционализации управленческой структуры олигархии оказались не столько богаче своих восточных «коллег», сколько властно сильнее. Рыночно-частнособственническое хозяйство, развившееся на меньших (по сравнению с восточными) территориях, в других природно-климатических и географических условиях, сыграло решающую роль в социальной мутации, случившейся в Древней Греции. Эта мутация привела к формированию олигархии. Впоследствии она разрасталась и усиливалась в контексте именно европейской античной, феодальной и буржуазной собственности и соответствующих общественных систем. Кстати, в отличие от Г. Гегеля К. Маркс на передний план выводил именно вопросы собственности и классового расслоения, которые в Европе действительно проявились в большей степени, чем на Востоке. Институциональной основой западной цивилизации стала рыночно-частнособственническая структура, в которой сильные позиции были у собственников-олигархов. При слабом (институционально или в силу личностных качеств) правителе складывались олигархические режимы.

Типичные олигархические режимы функционировали в городах, в которых была ключом насыщенная экономическая жизнь, проходили финансовые и торговые потоки. Такие города не хотели объединяться в древности, сохраняя раздробленность полисной системы античной Греции, не подчинялись королям и императорам европейского Средневековья, оставаясь независимыми от государства, добиваясь статуса «вольных городов». Богатства Генуэзской республики пошли на открытие Нового Света, согласно Дж. Арриги дали название первому циклу уже капиталистического накопления.

Светлейшая Республика Венеция выступала монополистом средиземноморской торговли. Господин Великий Новгород был членом Ганзейского купеческого союза северогерманских городов, монополизировавших торговлю на Балтике, осваивал богатства Урала, конфликтовал с Русским государством. Обратим внимание на внешнюю демократичность их политической организации. Все они преимущественно были республиками, имели представительные органы правления, такие как Большой совет и Сенат в Венеции, вече – в Новгороде, считали себя оплотом вольностей и свобод. В действительности же в своем сословно-классовом расслоении между городскими низами, плебсом, и богатой патрицианской, купеческой элитой они ничуть не отличались от соседних стран. Все управленческие рычаги были сосредоточены у олигархической правящей верхушки.

Ярким примером феодального олигархического режима является Речь Посполитая (1569–1795). В духе европейской моды на демократию страна назвала себя республикой, учредила внушительный выборный орган – сейм с нижней палатой, красноречиво названной Посольская изба, в которую должны избираться послы со всех частей страны, учредила институт выборного короля. Везде и всюду подчеркивалась демократия, вольности. Только вот узкие сословно-классовые интересы бенефициаров этой республики отразились даже в конкретных названиях. Какой строй утвердился в Речи Посполитой? Шляхетская демократия. Для кого, в чьих интересах? Народа шляхетского. Только народ шляхетский обладал всеми правами и даже более того – золотыми шляхетскими вольностями. Однако, в силу железного закона олигархии, далеко не вся шляхта оказывалась наверху с реальными полномочиями и возможностями, а только самая богатая ее часть – магнаты. Они-то и были реальной олигархией. Посполитая магнатерия руководила всей остальной шляхтой, гордо бившей себя в грудь и громко кричавшей о золотых шляхетских вольностях и применявшей их, но только в интересах тех, кто их использовал; и заправляла на заседаниях сеймов; и управляла «демократически» выбранными королями, которые по большей части были иностранцами, не имевшими своей социальной опоры. «Некоронованные короли Речи Посполитой», – так называли себя представители могущественного магнатского рода Радзивиллов. Но это была лишь дань монархической традиции. В действительности они и им подобные были богаче и сильнее королей, обладая и ресурсами, и управленческими рычагами. Это становится особенно понятным, когда рассматриваешь на картах границы принадлежавших магнатам земельных владений (ординаций), которые по своим размерам тянули не то чтобы на малые, а даже и на средние европейские государства. Этим-то владениям они и уделяли гораздо больше внимания, чем государству в целом.

Капиталистическая олигархия

В то время как польские магнаты-олигархи, разыгрывая бесконечные интриги, превращали страну в корчму и поле брани для чужеземцев, проигрывали в войнах, теряли территории, пока в конце концов не потеряли и всю страну в результате разделов, их соседи укрепляли монархическую власть. В рамках абсолютизма монархи смогли укротить феодалов и перебороть феодальные тенденции. Однако на смену им пришли новые олигархи-капиталисты. Власть не то чтобы не заметила их или не увидела в них опасности, она трансформировалась вместе с ними. Так складывалась мировая капиталистическая система и нации-государства в странах ее центра с мощными бюрократическими аппаратами и вооруженными силами.

Первоначально бюрократический аппарат нации-государства выглядел вполне автономным от общества, да и от верховного правителя. Именно такое автономное по отношению к буржуазии государство и оказывалось крайне эффективным инструментом капиталистической модернизации, поскольку могло навязать решения, соответствующие общим стратегическим интересам капитала, порой даже в ущерб интересам отдельных групп буржуазии. Рационально организованная бюрократия становилась важным условием для развития промышленности, поскольку одна буржуазия в рамках хаотических рыночных отношений подобных условий сама себе создать не могла. Такое правление естественным образом венчала абсолютная, внешне ничем не ограниченная, деспотическая власть монарха. С развитием и укреплением капитализма на смену абсолютизму приходила ограниченная конституционная монархия, в ряде стран – республика, принимались конституции, создавались парламенты, расширялось избирательное право, охватывая все более широкие слои населения. Все эти институты однозначно признавались демократическими. Во второй половине XX века страны Запада уже распропагандировали социальное государство или государство всеобщего благосостояния, в котором были реально достигнуты высокие потребительские стандарты для большинства населения, сформировался средний класс с достойным уровнем жизни. Но изменилась ли сущность капиталистического

государства? Удалось ли государственному аппарату реально дистанцироваться от олигархии, встать над обществом, в интересах всех его слоев?

Для западных государств характерна удивительная двойственность. Недаром покровителем политики считается двуликий Янус – в римской мифологии бог начала и окончания, прихода и ухода, дверей и ворот. Два его лика смотрят в противоположных направлениях. С одной стороны, идеология западных государств была ориентирована на демократию. Достоинства демократии и ее воплощение в реальной политической практике всячески обосновывались средствами идеологических доктрин, политической философии, политической науки. Но реальная демократия предполагает учет интересов если не всех, то максимального числа, групп населения и достигнутый на этой почве компромисс между правящим классом и управляемыми. Однако при всех формальных сторонах демократии – множественности и выборности государственных структур, действующих в соответствии с принципом разделения властей, взаимодействии гражданского общества с государством, создании разнообразных управленческих механизмов для разрешения конфликтов и выполнения определенных задач – западные государства стояли и продолжают стоять на страже исключительно интересов капитала, являясь его политическим выражением. Сначала финансового капитала, затем на пике своего развития в XIX веке – индустриального, с конца XX века по настоящее время – вновь финансового и финансистского (занятого исключительно спекулятивными операциями). Перефразируя формулу политогенеза о феномене власти-собственности на Востоке, можно сказать, что на Западе, который явил собой альтернативный восточному путь развития, собственность в конце концов покорилась власти, и сформировался феномен капитал-власть.

На Востоке тоже развивался капитализм, были свои предприниматели, производившие качественные товары, участвовавшие в рыночных отношениях. Вплоть до конца XVIII века Индия и Китай не только оставались более богатыми и развитыми экономическими зонами, чем Западная Европа, но и явно выигрывали в торговле с Западом, имея положительный торговый баланс. Восток всегда манил и восхищал своими базарами, особой торговой атмосферой. Азиатские методы ведения бизнеса ничем не уступали западным. Но восточный бизнес функционировал в рамках традиционных рынков, где решающую роль играет конкуренция товаров. А западный бизнес уже работал в капиталистической рыночной системе, где преобладает конкуренция капиталов. К тому же восточный капитализм, в отличие от западного, даже и мысли не имел слиться с государством или тем более овладеть им, потому и существовал самостоятельно, независимо от него, в точном соответствии с принципами западного либерализма. И в конце концов был побежден западным капиталом, опиравшимся на государственную мощь. По словам Б. Кагарлицкого, «западное государство в конечном счете позволило превратить преимущества буржуазного способа производства в источник новой глобальной мощи, с помощью которой можно было изменить соотношение сил между странами и регионами, сформировать новое разделение труда и в итоге подчинить ресурсы большей части человечества задачам развития капитализма» [3, с. 445]. Как когда-то феодальная, капиталистическая олигархия тоже подчинила себе государственную власть, заставила ее функционировать в своих интересах в форме олигархического режима. Только в отличие от феодальной капиталистической олигархии правит не явно, а скрытно через систему всех демократических институтов, что становится понятным в контексте двухконтурного управления.

На первом публичном контуре управления находится сложная конструкция разнообразных государственных органов, частью выборных, частью контролируемых гражданским обществом, что создает устойчивую иллюзию демократического взаимодействия государства и гражданского общества. Да, в ней присутствуют олигархи, но вместе со средним классом, рабочими. Кстати, максимально демо-

Так изображали сущность буржуазного парламента на пропагандистских плакатах советской эпохи

кратической считается парламентская форма правления, при которой большими властными полномочиями обладает парламент. Этот выборный орган на основе победившей фракции формирует партийное правительство, контролирует его, может его распустить. Парламентская форма правления является самой удобной ширмой для олигархов. Вспомним и Речь Посполитую, и торговые города с коллективными органами власти. Именно олигархи держат в своих руках партийную систему, а дальше – дело денег и техники, как этим пользоваться в своих интересах. В Англии – классической стране парламентаризма и парламентской формы правления – первые партии не скрывали своих социально-экономических основ. Консервативная партия тори считала себя партией земельного интереса, а либеральная партия вигов – партией денежного интереса.

Но гораздо более важен второй контур управления, в котором концентрируется идеологическая и концептуальная власть. Этот контур управления отнюдь не демократичен. Он авторитарен и не публичен по своей природе. Странам Запада, ставшим ядром мировой капиталистической системы, удалось создать такое двухконтурное управление. Прежде всего, благодаря ему они и смогли подчинить себе весь мир. Ученый А.И. Фурсов обратил внимание на то, что капитализм как экономическая система носит мировой, наднациональный (надгосударственный) характер. Буржуазия действует на мировом рынке, в мире в целом. Отсюда и мировая капиталистическая система. В то же время формальная политическая организация капиталистической системы носит национально-государственный характер. Для преодоления этого противоречия создаются наднациональные организации мирового согласования и управления, которые современная гуманитарная наука старается не замечать или обвинять их исследователей в пристрастии к конспирологии. «По мере публичного „огосударствления“ населения, превращения его в граждан как агентов публичной политики пропорционально возрастала роль тайной, закулисной политики, тайной власти, причем не только внегосударственной масонской и иных тайных обществ, но и самого государства, – пишет А.И. Фурсов. – Последнее в условиях разрастания публичной сферы и роста значения гражданского общества уводило в тень, за кулисы наиболее важные аспекты, стороны и направления своей деятельности, реальную власть и ее главные механизмы. И чем большая часть населения получала избирательные права, чем публичнее становилась политика, чем – внешне – демократичнее общества, тем большая часть – особенно в XX веке – реальной власти уводилась в тень, действовала конспиративно, в качестве заговора» [4, с. 52, 55]. У Г. Уэллса есть произведение с красноречивым названием «Открытый заговор», которое только сегодня приходит к русскоязычным читателям, несмотря на то что собрания сочинений известного английского писателя давно изданы огромными тиражами [5, с. 350–356]. Главным субъектом этой закулисной части политики несомненно является олигархия. Сегодня это эксисты (от английского слова access – доступ), финансисты, банкиры, корпоратократия, верхушка IT-сектора или нетократии, традиционная аристократия и т. д. Как раньше их предки (финансовые, торговые, промышленные буржуа), так и они сегодня, обладая реальной властью, действуя в своих классовых интересах, придают своим государствам характер олигархических режимов. Такие режимы в силу внутренней природы не могут действовать в интересах своих государств и народов. Национальные интересы стран олигархи понимают как свои собственные экономические выгоды.

А.И. Фурсов подчеркивает: «Как только главным для государства провозглашается экономическая конкурентоспособность в глобальной экономике, о социальной и национальной составляющих государства можно забыть». В условиях глобализации крупные государства (особенно центра мировой капиталистической системы) превращаются в корпорации-государства. «Корпорация-государство есть такая форма государственного устройства, – говорит А.И. Фурсов, – цели функционирования которой имеют прежде всего экономический характер, т. е. направлены на снижение издержек, а следовательно, требуют сведения к минимуму политических и социальных издержек по обеспечению „территории прописки“ – от сведения к минимуму социальных обязательств, характерных для государства, до избавления от экономически лишнего, нерентабельного с экономической (корпорационно-государственной) точки зрения населения (от отсечения от „общественного пирога“ до фактического исключения из реальной жизни)» [6].

Пресловутые демократии стран Запада являются типичными олигархическими режимами. В. Лепехин подчеркивает: «На самом деле американская система власти представляет собой классическую олигархию (групповую власть) с момента основания США. Ведь кем были отцы-основатели этого государства, как не главами крупнейших американских корпораций и бизнес-групп?» [7]. В настоящее время олигархизация власти только усилилась. Причем олигархами являются представители не столько американского бизнеса, сколько транснационального, и собственно правящие круги стран Запада давно уже превратились в единую транснациональную мировую правящую верхушку. Американский социолог Р. Лахманн обратил внимание, что если в прошлом корпорации зависели от крупных банков, контролируемых

государством, то теперь крупнейшие транснациональные корпорации самостоятельно мобилизуют капитал и государственные ресурсы в собственных целях. В XXI веке органы государственной власти раздают контракты и субсидии уже без какого-либо контроля со стороны общества. Такая вот демократия по-американски. Американский политик Л. Уилкерсон из окружения небезызвестного К. Пауэлла признался: «Именно олигархи руководят всеми процессами из-за сцены. США насчитывают около 400 людей, чье общее состояние превышает триллионы долларов. Это просто неприличное, оскорбительное распределение богатства по стране. Власть находится в руках примерно 0,001 % людей» [7].

Постсоветская олигархизация

Если в постсталинский период в Советском Союзе наметились тенденции к приватизации, то после распада СССР во всех постсоветских республиках эти тенденции возобладали и началась стремительная олигархизация власти, главной целью которой стало закрепление своих территорий в качестве периферии мировой капиталистической системы, что было названо транзитом к рыночной системе. Переход на западные «демократические» стандарты организации государственной власти и политической системы проходил в спорах о выборе формы правления между парламентской и президентской моделями. Запад поддерживал парламентские формы как более демократические, приветствовал «сильные» парламенты с деятельными партийными фракциями и экспрессивными лидерами, которые и выступали проводниками к власти быстро кристаллизовавшихся олигархических групп. Это было названо демократизацией. Так создавалась питательная почва для цветных революций и прочих социальных разрушительных деструктивных технологий. Как подчеркивает И. Марзалюк, «чтобы „цветная революция“ победила, необходимо единство ряда факторов: разрушения традиционной системы, создания в экономике модели олигархического капитализма и реформатирования системы образования» [8, с. 5]. Одними из первых деструктивных процессов стали конфликты между президентской властью и парламентами, вылившиеся в 1993 году в России в расстрел парламента, в Казахстане – в его «самороспуск».

По такому же пути первоначально пошла и Республика Беларусь. Правда, при преобладании обрабатывающей промышленности в индустриальной республике, «сборочном цехе Советского Союза», при быстро разрывающихся экономических связях, приводивших к приостановке и закрытию многих производств, процесс фабрикации олигархов шел с трудом. Западу были интереснее олигархи, завладевшие добывающими отраслями. Поэтому Запад уделял больше внимания России, Казахстану, превратив их в ресурсное Эльдorado для своих транснациональных корпораций. Но и Беларусь в начале 1990-х годов успела сформировать у себя парламентскую модель с сильным Верховным Советом, где первую скрипку играли новые партии, возникшие на волне перестройки, а потому взявшие курс на разрушение советского наследия, сближение с Западом, что можно было сделать лишь в националистической упаковке. Это были Белорусский народный фронт, Белорусская социалистическая грамада, Объединенная гражданская партия и др. Им понадобилась и новая «бела-чырвона-белая» символика, которую они утвердили в качестве государственной. Они сразу поменяли вектор гуманитарного образования, концепцию исторической памяти. Принятая 15 марта 1994 года Конституция Республики Беларусь зафиксировала парламентскую форму правления с сильным Верховным Советом и слабым президентом. После избрания первого Президента завязался глубокий узел его противоречий с Верховным Советом.

Интересные параллели прослеживаются с Казахстаном, где в 1995 году состоялась конституционная реформа. Обращение власти за поддержкой к народу оформилось в проведение и референдума, и Ассамблеи народов Казахстана. Реформа увенчалась принятием новой Конституции, на основе которой была выстроена вертикаль сильной президентской власти. Однако экономику продолжали наводнять иностранные инвестиции, добывающие предприятия практически полностью оказались в руках западных и китайских компаний. Обслуживая зарубежные интересы, росла и обогащалась немногочисленная казахстанская олигархия. Сильная президентская власть по сути стала стражем порядка и стабильности колониально-зависимой сырьевой капиталистической модели.

В Беларуси конституционная реформа состоялась в 1996 году. В ее преддверии были проведены два референдума: 14 мая 1995 года и 24 ноября 1996 года. 19–20 октября 1996 года прошло I Всебелорусское народное собрание, на нем Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко выступил с докладом, который был красноречиво назван «Только народ вправе решать свою судьбу». По итогам работы собрания при широкой народной поддержке был принят антикризисный план. Внесенные в Конституцию поправки позволили сформировать вертикаль сильной президентской власти. Однако белорусская президентская вертикаль стала не стражем периферийного капитализма, а инструментом воплощения принципиально иной белорусской социально-ориентированной модели развития, не допустившей олигархизации ни

в экономике, ни в политике. Реальные достижения этой модели позволили в преамбуле к уже нынешней обновленной Конституции с полным правом обозначить важный императив, который заключается в утверждении прав и свобод человека, устоев правового государства и социально справедливого общества.

Общепризнанным статистическим показателем степени расслоения общества отдельно взятой страны по отношению к какому-либо признаку является коэффициент Джини. В соответствии с таким признаком, как уровень годового дохода, коэффициент Джини можно определить как макроэкономический показатель, характеризующий дифференциацию денежных доходов населения. Коэффициент изменяется от 0 к 1. Чем ближе его значение к нулю, тем более равномерно распределен показатель применительно к нашему признаку, более равномерно распределены денежные доходы между жителями страны. Коэффициент Джини в Республике Беларусь с 2008 года находится на одном уровне (0,27–0,28) и не подвергается особым изменениям. Например, в 2015 году он составил 0,276, в 2016-м – 0,279, в 2017-м – 0,269, в 2018-м – 0,275 [9, с. 12]. Тогда как в России он 0,410, в США – 0,415, Бразилии – 0,533 [9, с. 13]. Бразилия уже давно держит первое место в мире как весьма неблагоприятная страна с самым неравномерным распределением доходов среди населения. Конечно, и в Беларуси есть богатые люди, но на противоположном от них полюсе находится не мир нищеты, а вполне экономически благополучное большинство. К тому же белорусские богачи дистанцированы от власти и не являются прямым проводником западного влияния.

С одной стороны, сильная властная вертикаль не является панацеей против установления олигархического режима, но, с другой стороны, только с помощью сильной власти олигархический режим можно заблокировать и начать создавать более справедливый строй. Президентская вертикаль при политической воле может ослабить горизонтальную олигархическую демократию. Именно властная вертикаль, институционализировавшаяся в феномен власти-собственности, стала основой восточных некапиталистических цивилизаций. Особая система русской самодержавной автократической власти, советская система на протяжении многих исторических периодов успешно блокировали тенденции к приватизации и олигархизации. Современная белорусская государственная и социально-экономическая модель в окружении мировой капиталистической системы вполне эффективно служит национальным интересам всего народа. Многовековая история всего человечества и наша собственная общерусская история показывают путь, основанный на известных проверенных принципах: власть выше собственности, служение выше владения, справедливость выше закона, общее выше частного, духовное выше материального.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арон, Р. Демократия и тоталитаризм / Р. Арон. – М.: Текст, 1993. – 303 с.
2. Аристотель. Политика / Аристотель. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 508 с.
3. Кагарлицкий, Б.Ю. От империй – к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Изд. дом Госун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 680 с.
4. Фурсов, А.И. Вопросы борьбы в русской истории. Логика намерений и логика обстоятельств / А.И. Фурсов. – М.: Книжный мир, 2016. – 320 с.
5. Катасонов, В. Великая перезагрузка или глобальное обнуление. Мировые элиты и новые крепостные / В. Катасонов. – М.: Книжный мир, 2021. – 408 с.
6. Фурсов, А. Мир, который мы покидаем, мир, в который мы вступаем, и мир между ними [Электронный ресурс] / А. Фурсов // Сайт С.П. Курдюмова «Синергетика». – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/future/fursov/>. – Дата доступа: 05.05.2016.
7. Лепехин, В. США – не государство, а мировой правящий бизнес-класс [Электронный ресурс] / В. Лепехин // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20151026/1308440014.html>. – Дата доступа: 11.01.2022.
8. Осипов, М. Привкус цветных революций / М. Осипов. // СБ-тенденции. – 2021. – 11 ноября. – С. 4–7.
9. Мониторинг показателей качества жизни населения в странах Содружества Независимых Государств. 2015–2018 гг. / Межгосударственный статистический комитет СНГ, отв. за выпуск: И.А. Збарская, В.М. Брысева. – М.: Статкомитет СНГ, 2019. – 69 с.